

ОБЩЕСТВЕННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И БОРЬБА ЗА ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ЗАЩИТУ 1917–1918 гг.

Т.Н. Захарова, кандидат исторических наук, доцент.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России.

О.В. Егоренкова, кандидат исторических наук, доцент.

**Балтийский государственный технический университет «Военмех»
им. Д.Ф. Устинова**

Рассмотрена история создания первых законов об охране памятников. Приведен материал о положении дел в этой области в Российской Империи, при Временном правительстве и в первые месяцы Советской власти (1917–1918 гг.), когда были подготовлены и приняты первые декреты об охране историко-культурных памятников.

Ключевые слова: революция, охрана историко-культурных памятников, Временное правительство, декреты

THE SOCIAL AND DEMOCRATIC INITIATIVE TO PROTECT CULTURAL MONUMENTS AND STRUGGLE FOR THEIR LEGISLATIVE PROTECTION 1917–1918

T.N. Zakharova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia.

O.V. Egorenkova. Baltic state technical university «Voennmeh» named after D.F. Ustinov

The article examines the history of creation of the first laws on the protection of monuments. Information is given on the state of affairs in this area in the Russian Empire, under the Provisional Government, and in the first months of Soviet power (1917–1918), when the first decrees on the protection of cultural monuments and antiquities were made.

Keywords: revolution, protection of historical and cultural monuments, Provisional Government, decrees

Драматические по своему накалу события Революции 1917 г. вместили в себя целую эпоху: Россия пережила падение монархии, Временное правительство, приход к власти большевиков. В условиях революционного кризиса остро встал вопрос охраны культурно-художественного наследия страны.

Охрана культурных ценностей одна из функций государственной власти. До революции 1917 г. меры по охране памятников носили эпизодический, несистемный характер. Еще в Соборном уложении 1649 г. предусматривалось наказание за порчу и уничтожение культурных ценностей. При Петре I с 1718 г. было издано несколько указов об охране памятников старины. В XIX в. с появлением Министерства внутренних дел под его начало переходит дело охраны памятников. На волне общественного интереса к истории отечества и создания археологических обществ, при Министерстве императорского двора в 1859 г. была образована «Археологическая комиссия». В 1876 г. межведомственная комиссия во главе с заместителем министра внутренних дел А.Б. Лобановым-Ростовским обсуждала проект закона о создании государственного органа по «охранению памятников древности», который в 1871 г. разработал Второй археологический съезд, но денег на реализацию этого проекта не нашлось. Новый проект закона, одобренный Советом министров в 1911 г., был вынесен на рассмотрение III Государственной думы. Он вызвал серьезную критику со стороны деятелей науки и искусства, которые считали, что охрана

памятников должна находиться не в ведении полиции, а быть делом общественности. Обсуждение проекта затянулось, и он так и не был принят [1].

Демократическая природа Февраля 1917 г. обусловила те процессы, которые наблюдались в культурной жизни страны в последующие месяцы и продолжали действовать в первое время после Октябрьской революции.

Февральские дни, несмотря на размах революционного движения в столице, не сопровождались актами вопиющего вандализма и разгулом анархии, что рождало у интеллигенции надежду на сознательность народа – «хозяина земли русской» и демократизацию культурной жизни страны. Несмотря на «облако дыма от горящего Окружного суда и на языки пламени, лизавшие стены Литовского замка», было ясно на душе, «на всех лицах было написано сознание уже одержанной победы и убеждение в том, что вот теперь все пойдет к лучшему», – отмечал, восхищаясь «фантастическим моментом», художник, создатель и идеолог объединения «Мир искусства» Александр Бенуа [2, с. 102, 105].

Для художественной интеллигенции важнейшей задачей после Февральской революции встал вопрос о сохранении памятников искусства и старины. С отречением Николая II многочисленные царские дворцы в Петрограде, Царском Селе, Гатчине, Петергофе, Ораниенбауме, Москве, Крыму и др., а также музеи (Эрмитаж, императора Александра III, Оружейная палата, Херсонесский и Керченский археологические), находившиеся ранее в ведение Министерства императорского двора, фактически остались без присмотра. У «государственников» – сторонников идеи использовать власть для охраны и собирания культурных ценностей, а также для развития искусства и т.п., появилась надежда, привлечь Временное правительство и Совет к решению задачи охраны памятников культурного наследия. Уже весной 1917 г., как отмечалось в журнале «Аполлон» № 1, стали поступать тревожные сведения о первых утратах – порче или уничтожении памятников. Там говорилось, что даже самая мирная и единомышленная революция всегда грозит физической опасностью художественным памятникам страны, в особенности тем, которые обязаны своим бытием низложенному порядку.

Первыми забили тревогу представители творческой интеллигенции, которые группировались вокруг А.М. Горького. Как известно, 4 марта на его квартире собралось 54 известных деятеля культуры (художники, архитекторы, артисты, искусствоведы и др.). Многие из них были участниками «Мир искусства», еще до революции выступавшими за сотрудничество с государством в деле культуры и искусства. Собравшиеся обсуждали сложившуюся ситуацию вокруг царских дворцов. С основным докладом выступил А.Н. Бенуа. Он говорил о необходимости сохранить «народное имущество» и сделать все возможное, «чтоб народ это осознал и чтоб он вошел во владение тем, что ему принадлежит по праву» [2, с. 124–130]. Для защиты народной собственности А.Н. Бенуа предложил создать Министерство искусств.

По инициативе А.М. Горького была избрана «Комиссия по делам искусств», «Комиссия» первоначально состояла из семи человек: А.М. Горький (председатель), А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин, Н.К. Рерих, И.А. Фомин, Ф.И. Шаляпин, позднее ее состав расширился [3]. Участники совещания поручили «Комиссии» связаться с Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета, добиться от них мер по охране дворцов и художественных коллекций и, как можно скорее, особым юридическим актом объявить культурно-историческое наследие национального достояния.

Аргументы, приведенные «Комиссией», побудили Временное правительство к принятию решения об образовании Комиссариата для охраны художественных ценностей в составе члена IV Государственной думы П.А. Неклюдова и всех членов делегации, Исполком Петросовета пополнил состав «Комиссии Горького», как ее стали называть в обиходе, двумя своими представителями.

6 марта «Комиссия Горького» изложила свою программу в письмах, направленных одновременно как в адрес Временного правительства, так и Петроградского Совета. В них

говорилось о готовности приложить свои силы «для разработки вопросов об охране памятников старины, проектирования новых памятников, составления проекта положения об органе, ведающем делами изящных искусств... и т.п.» [4, с. 76]. В апрельских и мартовских номерах газет «Известия Петроградского Совета» и «Речь» было опубликовано знаменитое воззвание к «гражданам». В нем говорилось, что после ухода прежних хозяев, осталось огромное наследство, которое теперь принадлежит народу. Звучал горячий призыв беречь это наследие: «Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы. Все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство». Воззвание перепечатывали другие газеты и журналы, расклеивали в листовках на улицах, распространялось по всей стране.

«Комиссию Горького» под названием «Особое совещание по делам искусства» признало Временное правительство, её курировал комиссар над бывшим Министерством императорского двора Ф.А. Головин. Председателем «Особого совещания» стал А.М. Горький, его заместителями А.Н. Бенуа и Н.К. Рерих. Исполком Петроградского Совета именовал группу Горького «Комиссией по вопросам искусства», и признал «Особое совещание» состоящий при Совете комиссией.

Получив признание, «Комиссия Горького» начала действовать: почти ежедневно проводились заседания, была выселена рота солдат самокатчиков (велосипедистов) из Петергофского дворца, члены комиссии инспектировали загородные дворцы, осматривали состояние художественных памятников, проявляли заботу о музеях. Одним из результатов было то, что А.Н. Бенуа и И.А. Фомин сумели добиться от Петроградского Совета решения о погребении жертв революции на Марсовом поле, а не на Дворцовой площади, как планировалось раньше. Так был спасен архитектурный ансамбль знаменитой площади. «Комиссия» на время предотвратила размещение в Зимнем дворце правительственных ведомств, предлагая превратить дворец в художественно-исторический музей, она хлопотала о защите и сохранности Петергофского, Ораниенбаумского, Елагина и других дворцов. На зданиях, имеющих художественную ценность, «Комиссия» предложила разместить плакаты с указанием того, что здание принадлежит народу с призывом «Оберегайте его!». Было составлено обращение к народной милиции, в котором звучал призыв беречь старинные здания.

«Комиссии» с самого начала пришлось вести полемику с теми представителями интеллигенции, кто выступал за разрушение памятников самодержавия. Бенуа А.Н., отвечая на подобные выпады, писал: «И от этих людей следует оградить художественные памятники, которые могут еще послужить и нам, и которые вдобавок мы обязаны завещать будущим поколениям» [2, с. 658–659].

«Особое совещание» имело далеко идущие планы. Вероятно, оно предполагало преобразоваться в «Министерство по делам искусств». Вскоре, разгорелась яростная борьба между «государственниками» и сторонниками не вмешательства государства в культуру. 12 марта в Михайловском театре состоялось собрание 1 402 представителей творческой интеллигенции разных направлений и взглядов, которое образовало «Союз деятелей искусств» под председательством архитектора А. Таманова.

«Союз» стал добиваться ликвидации «Особого совещания», он сам стремился занять доминирующие позиции в устройении художественной жизни России. Выражали свое недовольство и другие творческие организации, выступающие за «свободу творчества» и «полную автономию» деятелей искусства. Они требовали от Ф. Головина распустить «Комиссию Горького», как самозванцев и узурпаторов, выражающих интересы одной лишь группы художников, утверждавших необходимость «министерализации искусства» [4, с. 90]. Нападкам подвергалась не только сама идея создания «Министерства», но и персонально А.Н. Бенуа, как возможная кандидатура на пост будущего министра искусств. «Особое совещание», столкнувшись с критикой и «огорченное недоверием, незаслуженно ему высказанным рядом организаций» самораспустилось, не решив свою главную задачу, –

создание проекта закона о защите культурных ценностей (по публикации Архитектурно-художественного еженедельника № 15/17).

Весной 1917 г. в Москве, по примеру столицы, начали создаваться общественные организации, которые стремились побудить власти к защите памятников старины. Вызывало тревогу то, что на территории Кремля после февраля 1917 г. оказались без должной охраны дворцовые комплексы и другие историко-художественные ценности, к тому же, с началом Первой Мировой войны в Москве складировали исторические и художественные ценности из царских дворцов, оказавшихся в зоне военных действий. 18 марта в помещении цирка Саламонского состоялся многолюдный митинг художников и околохудожественной интеллигенции. В резолюции, опубликованной в марте 1917 г. в «Русском слове» и «Русских ведомостях», отмечалось, что охрану памятников необходимо осуществлять при содействии художественных сил. Московские городские власти охотно пошли на сотрудничество с интеллигенцией. К концу марта при Московской городской думе была сформирована комиссия по охране Кремля и московских дворцов и приемке дворцового имущества. «Комиссия» существовала с марта 1917 г. по весну 1918 г. В её состав входили известные ученые, деятели искусства, представители научных обществ, московской управы, в их числе: художники А.М. Васнецов и И.Э. Грабарь, архитектор Р.И. Клейн, историк С.В. Бахрушин, архитектор, живописец Ф.О. Шехтель и многие другие. Одной из основных задач «Комиссии» было выявление среди дворцового имущества предметов, представлявших музейное значение, и внесение их в описи.

В июне 1917 г. члены комиссии разработали «Проект приспособления зданий Московского Кремля под кремлевский музейный город». Авторы проекта видные представители творческой интеллигенции Р.И. Клейн, И.Э. Грабарь, Е.Ф. Вишневецкий, А.П. Ланговой, И.С. Кузнецов считали, что настало благоприятное время, когда «Созданию народного гения надлежит сделаться достоянием всей нации, и плоды художественных ее трудов должны стать под охрану самого народа, отвечающего за целостность полученного наследия перед грядущими поколениями» [5]. Проект носил масштабный характер: в нем предлагалось превратить Кремль в музейный центр Москвы, сосредоточив в нем все имевшиеся музейные и частные коллекции [6]. Проект не был опубликован.

В Петрограде «Союз деятелей искусств», продолжая дело «Особого совещания», сформировал «Комиссию по охране памятников искусства и старины». На пост руководителя был назначен искусствовед К.К. Романов, товарищами председателя стали граф, основатель Института истории искусства В.П. Зубов и историк искусства Б.В. Формановский, члены комиссии художник П.И. Нерадовский, искусствовед В.Н. Ракин. «Комиссия» ставила своей целью «защищать то, что требует немедленной защиты», – отмечалось в газете «Речь».

Весной-осенью 1917 г. масштабы расхищения художественных ценностей, утечка их за границу, что в газетах называли «грандиозной разгрузкой России в художественно-историческом отношении», принимают катастрофические размеры. Некоторые коллекционеры спешно продавали свои картины, которые через агентов-перекупщиков попадали богатым иностранцам. Широкий размах приняли хищения из музеев и частных дворцов. Художественная интеллигенция жаловалась на невнимание правительства к этому вопросу. Горький А.М. протестовал против массового вывоза художественных ценностей из России на американские деньги. «Правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении распродажи частных коллекций, прежде чем лица, уполномоченные правительством, не оценят национального значения подобных коллекций», – писал он в «Новой жизни» за 8 июня.

Аналогичную позицию занимала «Комиссия по охране искусства и старины» при «Союзе деятелей искусств». В середине июня от «Комиссии» на имя премьер-министра князя Г.Е. Львова были направлены два письма. В них ставился вопрос о законодательном запрете вывоза из России «предметов искусства, памятников древности и старины» [7]. Был составлен проект «Временных правил», которые в последствии должны были лечь в основу закона. 20 июня А. Таманов представил доклад премьер-министру, опубликованный

на следующий день в газете «Вечернее время», в нем приводятся те меры, которые позволяли бы сократить поток вывозимых ценностей:

«1. Абсолютно запрещается по личной инициативе вывозить памятники искусства и старины.

2. Лица, имеющие намерения вывезти за границу предметы искусства и старины, обязаны представлять их в учреждения (музеи), которые будут давать разрешение на вывоз.

3. Виновных в неисполнении – преследовать, как за контрабанду».

Осенью 1917 г. «Союз деятелей искусств» пытался подготовить законопроекты по охране культурных ценностей: о борьбе с иностранными скупщиками, объявлении дворцов национальными музеями и о передаче их и уже существующих музеев в ведение городских самоуправлений и пр. Однако этим проектам, как отмечалось в публикациях «Аполлона» № 6/7, правительственные канцелярии не давали хода.

В то же время в конце апреля, при комиссаре Ф. Головине был создан консультативный «Совет по делам искусств» во главе с С.И. Шидловским, с расширенным участием назначенных правительством должностных лиц. Полномочия «Совета» в деле охраны учреждений бывшего Министерства императорского двора были весьма широкими. В него вошло 38 человек, среди них большинство участников «Особого совещания», от «Союза деятелей искусств» его председатель А. Таманов и другие члены. Такое представительство предохраняло «Совет» от возможных притязаний «Союза».

Созданный Ф. Головиным «Совет» с июня по октябрь 1917 г. проводил регулярные заседания, рассматривая вопросы художественной жизни, главным из которых был вопрос охраны памятников. Картина складывалась прискорбная: месяц за месяцем утечка из страны предметов старины возрастала лавинообразно. «Совет» разрабатывал законопроект, запрещавший вывоз за границу национальных сокровищ России, но в предоктябрьское время он не был принят [4, с. 153]. Временное правительство придерживалось принципа невмешательства государства в вопросы частной собственности. Именно такой подход сказался при организации Художественно-исторических комиссий (ХИК).

В конце мая Правительство учредило ХИК для работы в пригородных дворцах – Царскосельском, Гатчинском, Петергофском. В признаваемых частной собственностью Павловском и Ораниенбаумском дворцах, создание ХИК не предусматривалось. Задача ХИК состояла в приеме, регистрации и систематизации всего имущества бывших дворцовых управлений, они решали как художественные, так и хозяйственные вопросы. Комиссарами были назначены искусствоведы: в Царскосельский – Г.К. Лукомский, в Гатчинский – В.П. Зубов, в Петергофский – В.К. Макаров. Под их руководством ХИК занимались составлением описей, выполнявших роль инвентарных книг и каталогов, делали все, что могли для спасения имущества дворцов.

Наиболее активной была Петроградская ХИК, её возглавлял искусствовед, один из издателей журнала «Старые годы», В.А. Верещагин. В состав комиссии вошли: археолог Н.Г. Пиотровский, чиновник удельного ведомства Б.А. Надеждин, искусствовед С.Р. Эрнст, позднее к ним присоединились историки, академики А.С. Лаппо-Данилевский и М.И. Ростовцев. Проведя осмотр бывшей царской резиденции, комиссия обнаружила, что в Зимнем дворце многое было утрачено. Вернуть пропавшее было невозможно, тысячи человек прошли через дворцовые помещения, так как со второй половины июля дворец стал резиденцией Временного правительства. Премьер-министр А.Ф. Керенский располагался в покоях Александра III, в здании находились воинские части, охранявшие правительство, лазарет, гауптвахта, Совет министров и различные общественные организации. Осмотрев и изучив личные покои Александра II и Николая II, члены комиссии выделили 200 объектов музейного значения, остальные были признаны вещами обиходного характера. Изменения в работу комиссии внесли внешние обстоятельства: в сентябре, после взятия немцами Риги, встал вопрос об отправке ценных предметов из Эрмитажа и пригородных дворцов в Москву. Вопрос об эвакуации неоднократно обсуждался на совещании, собранном Ф. Головиным.

После долгих дебатов было принято решение начать эвакуацию [8]. В сентябре-октябре два поезда увезли в Москву только часть музейных ценностей, остальное вывести не успели. В ночь с 25 на 26 октября Зимний дворец был занят революционным народом.

Большевики, оказавшись у власти, придали делу сохранения памятников истории и культуры государственное значение. Петроградский военно-революционный комитет (ПВРК) 25 октября 1917 г. назначил комиссарами по защите музеев и художественных коллекций Б.Д. Мандельбаума и Г.С. Ятманова. Они организовали охрану музея Александра III (Русского музея) и взяли под контроль Зимний дворец. Комиссия В.А. Верещагина смогла возобновить свою работу. К участию в работе были привлечены А.Н. Бенуа, искусствовед, князь В.Н. Аргутинский-Долгоруков, художник С.П. Яремич, член объединения «Мир искусства» Н.Е. Лансере и др. При повторной проверке имущества дворца обнаружилось новые потери. Редакцией журнала «Аполлон» в № 6/7 с возмущением отмечалось: «Не безумно ли было другой стороне, стоявшей в то время у власти, превратить в крепость драгоценные русские музеи?». В середине ноября ПВРК уполномочил Комиссию В.А. Верещагина вести розыск похищенных предметов.

Многие деятели искусства, не принявшие Октябрьскую революцию, отказались в первое время от сотрудничества с большевиками. Назначенному Наркомом просвещения, А.В. Луначарскому пришлось вести энергичную работу, разъясняя позицию Советской власти в деле сохранения культурного наследия, а также сдерживать нигилистические настроения так называемых «левых» в искусстве. И все же, часть художественной интеллигенции, несмотря на несогласие с политикой большевиков, но во имя отечественной культуры пошла на сотрудничество.

Органы управления охраной памятников в первое время складывались стихийно, появился ряд параллельных структур в Петрограде и Москве, которые пытались решать эти вопросы. В Петрограде А.В. Луначарский подтвердил полномочия всех четырех ХИК, а Зимний дворец его распоряжением объявлялся государственным музеем. Прежние руководители ХИК ради спасения ценностей «высшего порядка» продолжили свою работу, сотрудничая с Наркомпросом. В конце ноября все четыре ХИК неофициально объединились, образовав «Соединенную комиссию» под руководством В.А. Верещагина. Она заботилась о сохранении дворцов в Петрограде и пригородах, вела работу по спасению оставленных без контроля владельцев особняков, члены комиссии осматривали частные коллекции, общественные здания и т.д. Наиболее ценные предметы передавались на хранение в Зимний дворец или Русский музей. Другие регистрировались с помощью, так называемой, охранной грамоты, которая оставляла отдельные предметы искусства или коллекцию у владельца, делая его их хранителем. Применение этой практики повсеместно, по сути, стало формой не только охраны, но и учета художественных памятников [8].

В конце марта 1918 г. «Соединенная комиссия» была переименована в «Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины» Наркомпроса. Её возглавил бывший комиссар ПВРК Г.С. Ятманов. Его помощниками стали архитектор П.П. Покрышкин, искусствовед К.К. Романов. Участие в её заседаниях принимали востоковеды Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, И.А. Орбели, художники П.И. Нерадовский и С.Н. Тройницкий, искусствовед Н.П. Сычев. «Коллегия» продолжила начатую работу.

В Москве дело охраны памятников вначале берет на себя МВРК. 13 ноября он назначил художника Е.К. Малевича комиссаром по охране ценностей Кремля, а известному театральному деятелю Е.К. Малиновской поручил создать «Комиссию по охране всех художественных, научных и исторических ценностей» [9]. Во многом это было связано с тем, что в ходе революционных событий на территории Кремля, оказавшегося в эпицентре противостояния, частично было разрушено несколько памятников архитектуры, по счастливой случайности, разрушения оказались незначительными. Главной задачей Комиссии, кроме реставрации, стала организация охраны Кремля и всех тех художественных ценностей, которые находились на его территории.

«Комиссия по охране памятников искусства и старины» была создана при Отделе народного образования Московского Совете. Председателем её стал большевик, архитектор П.П. Малиновский, который заменил Е.К. Малевича на посту комиссара. Вначале в состав «Комиссии» вошли художники Е.В. Орановский, Е.М. Бебутова, М.Н. Яковлев и др. Затем к ним присоединились известные деятели художественной культуры: С.Т. Коненков, П.Д. Корин, П.П. Кончаловский, Л.О. Пастернак, В.Д. Поленов, братья А.М. и В.М. Васнецовы и др. Вскоре уже свыше 70 деятелей искусства занимались охраной и учетом художественных ценностей Москвы и Московской области.

С целью сосредоточения охраны «отчужденного» дворцового имущества бывшего Министерства двора в одном ведомстве, постановлением СНК 9 декабря был образован Государственный комитет дворцов республики (с 12 декабря Народный комиссариат имуществ Республики). Задачи Комиссариата были достаточно широки, при этом он выполнял организационную работу по созданию губернских комиссий по охране памятников [10]. Но дублирование многих вопросов, которыми также занимался Наркомпрос, мешало делу.

После переезда советского правительства в Москву, А.В. Луначарский добился создания при Наркомпросе (28 мая 1918 г.) Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины с двумя региональными подразделениями – Петроградским и Московским и восемью подотделами. «Отдел» возглавила Н.И. Троцкая, ее заместителем стал И.Э. Грабарь. В июле 1918 г. произошло слияние Наркоматов, Комиссариат имуществ на правах отдела вошел в Наркомпрос [11].

Большой проблемой после Октября стали массовые погромы и грабежи дворянских имений. По-прежнему продолжалась утечка из страны ее культурных и художественных сокровищ. Скупщики активно действовали не только в Петрограде и Москве, но и в провинции. Председатель Совета народных комиссаров (СНК) В.И. Ленин был настроен решительно, он предлагал судить виновных в хищениях художественных ценностей [12].

Нужны были законы для того, чтобы наладить дело охраны и учета памятников истории и культуры. Во второй половине 1918 г. были приняты декреты СНК РСФСР: «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (торно)» от 30 мая, «О конфискации имущества низложенного российского императорского дома» от 13 июля, «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября, «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находившихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября, «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» и «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» от 26 ноября, «Об охране научных ценностей» от 5 декабря [13].

Первый декрет не только сохранил для страны шедевр мирового искусства, известный как флорентийская «Мадонна», но и дал начало законодательства в этой области.

Второй – юридически закрепил уже сложившееся положение о национализации собственности бывшего императорского имущества – дворцов в Петрограде, Царском Селе, Гатчине, Петергофе. (В мае–июне 1918 г. эти дворцы были преобразованы в первые государственные музеи страны.)

Третий – запрещал вывоз и продажу за границу предметов историко-художественного значения без разрешения Наркомпроса.

Четвертый – объявлял государственную регистрацию всех памятников искусства и старины, находившихся во владении частных лиц, обществ и учреждений.

Пятый – фактически национализировал интеллектуальную собственность.

Шестой – обеспечивал передачу книг из частных собраний под государственный контроль.

Седьмой – предусматривал учет и контроль: научных музеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок, приборов, пособий и пр.

Приняв эти декреты, большевики устанавливали полный контроль за всеми объектами искусства и культуры, что по сути равно национализации. По мнению Ю.Г. Галай, первые декреты в теоретическом плане стояли на уровне аналогичных правовых актов ведущих западноевропейских стран [14]. Применением этих декретов было предотвращено расхищение национального достояния страны.

Разработав законы, Советская власть радикально изменила ситуацию, она провела национализацию всех культурно-исторических ценностей. В первые послереволюционные месяцы наблюдалась очевидная преемственность с общественно-демократической инициативой дооктябрьского периода. Представители старой интеллигенции, которые разделяли идею государственного подхода к вопросу сохранения художественно-культурного наследия, в условиях создания советского государственного строя продолжили дело начатое прежде. Советской власти в короткие сроки удалось осуществить то, что в условиях царской России и при власти Временного правительства осталось не реализованным. Однако начиная с середины 1920-х гг. роль общественно-демократического начала в этой области стала существенно снижаться. Советское государство распоряжалось художественными ценностями в своих интересах. Большая часть стала объектами музейного хранения, но не малое их количество было продано за рубеж, с целью извлечения средств для решения насущных задач. Вывоз художественных сокровищ 1917–1918 гг., стал невосполнимой утратой для российской культуры.

Литература

1. МВД России. Энциклопедия. М., 2002. С. 383.
2. Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. М., 2010.
3. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.) Л., 1988. С. 181.
4. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.
5. Милякова Л.Б., Зюзина И.А. Нереализованный проект: Московский Кремль как музейный город // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 113.
6. Павленко В.В. Проекты музеефикации Московского Кремля в 1917–1918 годах // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры: материалы науч. конф. М., 1992. Вып. 4. С. 74–80.
7. Жуков Ю. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005.
8. Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 271–278.
9. Московский военно-революционный комитет. Октябрь–ноябрь 1917 года. М., 1968. С. 265, 267.
10. Горелова С.И. Деятельность Народного комиссариата имуществ республики (1917–1919 гг.) // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 15. М., 1994. С. 9–12.
11. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 годах. М., 1985. С. 79–82.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 50. С. 406.
13. Декреты советской власти: в 7 т. М., 1959. Т. 2. С. 604–605; Т. 3. М., 1964. С. 21–22, 352–354, 399–401; Т. 4. М., 1968. С. 68–70, 71–72.
14. Галай Ю.Г. Деятельность государственных органов власти Российской Федерации по охране памятников истории и культуры 1917–1929 годы (историко-правовой аспект): автореф. дис. .... д-ра наук. URL: <http://www.lawtheses.com> (дата обращения: 06.12.2017).